

Владимир Фомичев

Игра

Памяти Иосифа Львовича Черногорского

Владимир Иосифович Фомичев Игра. Памяти Иосифа Львовича Черногорского

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23142453

ISBN 9785448383939

Аннотация

Сборник рассказов. Многие были номинированы на различные литературные премии. Автор надеется, что прочитанное заставит не только улыбнуться, но и задуматься.

Содержание

Артист	5
Барбариска	14
О патриотизме и частной собственности	16
Ищущий да обрящет	22
Армагедон	27
Триптих	27
Картина первая	28
Картина вторая	31
Картина третья	33
Контрольный выстрел в себя	35
Выборы	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

**Игра
Памяти Иосифа
Львовича Черногорского**

**Владимир
Иосифович Фомичев**

© Владимир Иосифович Фомичев, 2017

ISBN 978-5-4483-8393-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Артист

Памяти Иосифа Львовича Черногорского

В небольшой деревне, недалеко от фронтовой полосы часть жителей, напуганная слухами о наступлении немецких войск, судорожно вспоминала родственников в глубоком тылу и решала, что из немудреного скарба удастся вывезти с собой. Остальные, полагаясь на русский авось, цеплялись за нажитое. Семья Протасовых относилась именно к этой категории. В кровавые тридцатые им повезло одурочить судьбу и не быть сосланными, хотя и слыли богатеями, ибо держали скотину и ходили в чистом. Помог и тот факт, что мужиков среди них было всего двое: отец и сын. Пятеро дочерей, древняя бабка да сама Протасиха по вековой крестьянской традиции в учет не принимались. Пугануть пуганули – забрали корову и лошадь – и на том власть притормозила. Семья работала в колхозе честно, как на себя, но крепко задумалась перебраться в город, к деньгам поближе. Более других мечтала сбежать из деревни дочь средняя – бойкая Александра, Шурка, Шурочка. А тут война...

Рота расквартировалась под вечер, по-хозяйски выбрав избы покрепче с огородами побогаче. Протасовым достался командир – молоденький гвардии старший лейтенант с блестящей кобурой на узкой талии. Он не орал, не матерился

и вообще не походил на кадрового военного.

– Вы извините, мы тут пробудем недолго, – смущенно произнес квартирант, едва переступив порог, – Меняевой зовут.

Хозяин, Егор Кузьмич, отослал любопытных девок на женскую половину, и долго сверлил подозрительным взглядом непрошенного гостя, пока тот в нерешительности мялся в дверях.

– Ну что ж, надо так надо, – наконец выдавил Кузьмич, – Наступаете, иль пятитесь?

– Ты что такое говоришь?! – всполошилась хозяйка, – Не слушайте, вы, его. Проходите.

– Ты, отец, язык-то попридержи, – встрял деловитый ординарец, – Советские войска не «пятятся», а отступают на заранее подготовленные позиции. И не твоего ума это дело, потому как – военная тайна.

– Петруня! Не хами, – одернул солдата лейтенант, – Лучше помоги на стол накрыть. И не жадничай – мечи все, что есть. Завтра на передовую, а там... – он сделал неопределенный жест, – как Бог пошлет.

Ординарец нахмурился, однако послушаться не посмел. На свет появилась говяжья тушенка, хлеб, плитка шоколада, фляга со спиртом. Протасиха достала из печи чугунок картофеля, принесла большую миску квашеной капусты и пучок вялого зеленого лука: «Милости просим. Только черять собирались».

После первой (За победу!) Петро как бы невзначай поинтересовался:

– А что, сыновей у вас нема?

– Как нет? – Протасиха старалась не дать мужу и рта открыть, – Один он у нас. Служит. В сорок первым ушел. В пехоту, кажись.

– Пишет? – не унимался Петро.

– А то как же, – хозяйка метнулась к шифоньеру за письмами-треугольниками.

– Да будем, вам, – смягчился Петро, – Пишет, значит жив. Правда, товарищ старший лейтенант?

Командир кивнул. По всему выходило, что ему неловко за настырного ординарца, и он старательно отводил глаза от родителей солдата.

Спирт развязал языки, и за беседой о том, о сем про дочерей как-то забыли.

Когда квартиранты вышли на крыльцо покурить, командир все ж таки вспомнил:

– Девушки, наверняка, голодными остались. Куда ты, балда, смотрел? За жлобов примут, и будут правы!

Петро сосредоточенно потягивал командирский Казбек. Будучи из деревенских, он не разделял волнений лейтенанта и всецело предавался прелестям сытного ужина. Роту не первый год мотало из боя в бой, и он научился ценить минуты затишья, когда руки ноги целы и в голове не звенит от оче-

редной контузии. Командира своего Петро не столько уважал, сколько любил. Были они одногодки, но Петро относился к Леве, словно к младшему брату. Знал, лейтенант из обеспеченной интеллигентной семьи, мог запросто отко- сить от армии, однако сам напросился на фронт и старал- ся подчиненных под пулю не подставлять, везде, где уда- валось, лез в огонь первым, рискуя попасть под трибунал за нарушение Устава. «У других командиры, как команди- ры, а этот артист так и норовит меня под монастырь... – вор- чал ординарец, любовно укрывая на ночь подопечного сво- ей шинелью, – если с ним что приключится, с меня спросят: не доглядел, мол, засранец! Офицеров с гулькин хер, а ты ар- мию обескровливаешь! Хорошо, если в штрафную роту со- шлют...»

– Зря переживаете, товарищ старший лейтенант. Чай, не в городе. Негоже незамужним девкам за одним столом с мужиками сидеть. Срам это. А поесть им принесут, за шир- мочку. И шоколад бабка припрятала. Ведомо, для кого. А что, приглянулась какая?

Лева покраснел и от того стал выглядеть еще моложе. Ко- гда-то, едва познакомившись, он рассказал ординарцу о том, что дома оставил невесту-студентку театрального училища и как они любили друг друга и собирались пожениться. Немногим позже на передовой напившийся с непривычки лейтенант в компании таких же зеленых командиров хва- стал амурными похождениями на гражданке. Причем врал

так искусно, что даже бывалые ходоки верили и, втайне завидовали. Петро, сидя в углу (на стреме), аж кричал от восхищения: «Во заливает! Одно слово – артист». Сколько раз он предлагал Леве «расслабиться» с какой-нибудь санитаркой либо телефонисткой, не упомнишь. Не то чтобы командир не велся на смазливых девиц, отнюдь. Он умело ухаживал, проявлял чудеса обаяния, но в последний момент, когда добыча падала в руки, ретировался, будто неведомая сила удерживала за полы новенькой шинели, не давая переступить черту за которой «война все спишет».

– Ночь на дворе. Спать укладывайся, – старлей смял папиросу и, заодно, разговор.

Ранним утром по команде батальонного «Выдвигаемся!» Петро полез на чердак будить командира. Сено измято, окурки в консервной банке – Левы и след простыл. Испуганный ординарец бросился на улицу. Бойцы суетились вокруг прогревающейся техники: машина связи и три танка. Петро нырнул в командирский – «чем черт не шутит» – и с удивлением обнаружил довольного Леву в обнимку с одной из дочерей Протасовых.

– Александра, – представилась девушка, – теперь я буду его ангелом-хранителем.

– Как же... мы ж в наступление... товарищ, старший лейтенант... – промямлил Петро.

– Отставить разговорчики! – скомандовал Лева, – Вперед!

Рота загудела моторами и влилась в колонну.

Уже на следующий день старлея вызвали в штаб дивизии.

Грозный, как туча, комдив сидел под портретом отца народов, склонившись над папкой с личным делом. Ситуация на вверенном участке фронта напоминала игру в кошки-мышки, где роль грызуна отводилась именно ему – славно воевавшему еще в Империалистическую. Донимали осенние мухи, но больше – франтоватые особисты.

– По вашему приказанию прибыл! – щелкнул каблуками провинившийся.

– Вижу, – генерал не поднимал глаз, – и что артист, вижу. Передовая, товарищ офицер, это вам не сцена драмтеатра, – он выпрямился и снял старомодные очки, – Вы, сударь, без году неделя на фронте, а натворили на гусарский полк. На кой леший полез в воронку подбитый танк вытаскивать?

– Так там же мои солдаты под огнем застряли, – Лева пытался оправдаться, – Их бы на раз накрыли. А они, молодцы, боевую машину не бросили, старались завести.

– А если бы и твой, командирский подбили? Где на вас, героев, у Родины столько техники набрать? Ты – командир, шире соплей мыслить обязан! – комдив с отвращением отбросил в сторону личное дело, – Девица-то, хоть, хорошенькая?

– Прелесть, товарищ генерал, – Лева покраснел до кончика носа.

Комдив вышел из-за стола, и, заложив руки за спину, прошелся вдоль стены. Остановился напротив Левы, бросил осторожный взгляд на портрет вождя:

– Ты... это... бросай свои чудачества. Меня скоро переведут, и тогда не миновать тебе трибунала. Пойдешь ко мне адъютантом?

– Никак нет, товарищ генерал. Спасибо, конечно, но товарищей бросить не могу, не честно это...

– Ишь, совестливый какой. А каково твоему отцу, репрессированному, придется, когда тебя расстреляют за нахождение гражданского лица в расположении боевой части? Об этом подумал?!

– По-правде говоря, не до того было... – Лева театрально шаркнул ножкой.

– Не до того ему, – генерал улыбнулся (наверное, впервые с начала войны), – Слушай приказ: девицу отправь в тыл, или к родителям. К черту на рога! Но в части ей не место! Возвращайся в роту, с особистом я договорюсь. И вот еще, – комдив вновь нахмурился, – чует мое сердце, сынок, доиграешься... Даром, что артист. Кругом!

Отгремела лихая пора.

Сбылось генеральское пророчество. Лева вышел по амнистии в пятьдесят третьем. Вопреки ожиданиям родных и близких не озлобился, не растерял врожденное чувство юмора и по-детски наивную веру в справедливость. Разве

что стал более замкнут и морозоустойчив. О войне и лагерях делился воспоминаниями с явной неохотой. Долго скитался по театральным подмосткам, пока не вышел на заслуженный отдых. Старость встретил согретым любящими детьми, уважаемый друзьями и бывшими коллегами по цеху.

Как-то раз в подземном переходе к нему обратился пожилой прохожий:

– Здравия желаю, товарищ гвардии старший лейтенант! Не узнаете?

– Извините, не припоминаю.

Лева и прежде не отличался хорошей памятью, в особенности на имена и цифры. Выручала способность мыслить образами. Так, однажды, забыв, как зовут обожаемую внучку, нарек ее королевой (с той поры Настена не без гордости носит этот титул).

– Ну как же? Ваш ординарец. Петро.

Нелегко распознать в грузном, отекившим лицом мужчине шустрого красноармейца.

– Петруня? Живой! Ты, балда, меня напугал.

Ну, поговорили, покурили, повздыхали.

Прощаясь, Петро и сказал:

– Вы, уж, меня простите, товарищ старший лейтенант, ведь это я тогда на вас стуканул. Да и раньше ... тоже я. Время такое было... Снимите грех с души – простите.

– Понимаю, зла не держу, – командир снял шляпу и театрально поклонился, – С первого дня знакомства верил тебе

на все сто. Выходит, не я, а ты подлинный талант!

Барбариска

Разве можно сравнить поезда с самолётами? Полёт – вырванные из жизни часы. А иногда и того больше.

То ли дело поезд. В особенности летом. Неповторимый запах прогретых шпал, убаюкивающий стук колёс, позвякивание ложки в стакане с чаем, непременно в архаичном подстаканнике, и пара кусочков сахара на обёртке. За окном проплывают унылые, но милые сердцу пейзажи. Год за годом одни и те же. Время над ними не властно. Меняются руководители, лозунги, а им всё нипочём. Зимой и летом фуфайки, кирзачи, у женщин – платочки. Правда, кое-где попадаются бейсболки, венчающие рябые обветренные лица. Они смотрятся аляповато, словно клюшки для гольфа в руках сельского пастуха.

А вот и станция. Горячая варёная картошечка, домашние солёные огурчики. Склизкие грибочки. Как в городской квартире ни готовь, так никогда не получится. Коньяк спешно убирается и достаётся *она* – царица застолья. И пусть не холодная и не в рюмке, зато всегда и у каждого. Только здесь, в купе, женщины по этому поводу не ворчат, а суетливо раскладывают припасённую снедь. Но кому нужны сыры да колбасы, когда в газетке дымится *картоха*.

Ближе к вечеру будем проезжать *раков*. Пиво надобно поберечь, вдруг на вокзале не будет.

– Не бойсь, бабули выручат. Да и проводницы запас имеют. А то как же.

Бывалый командировочный – сосед незаменимый. В его бездонном портфеле есть всё – даже ключ от туалета.

Тук-тук. Чок-чок.

И разговоры. Нет, разговоры в самолёте, а в поезде – беседы. И что удивительно, друг друга слушают! И верят. Верят, казалось бы, в самое невероятное.

Курим в тамбуре. Торопливо. Не глядя в глаза другим пассажирам. У нас своя компания, у них своя. У нас, конечно же, лучше. У них музыка, дети. У нас... У нас – компания.

Уж и раки съедены, и женщины прибрали на столе, а беседа не прекращается. Она перемещается в коридор. А потом, если имеется за что, в закрытый – поздно уже – вагон-ресторан. Ежели золотого запаса нема, то и в тамбуре ничего – к туалету ближе.

Пьём там же, под конфетку. И она, конфетка, нескончаема. Как неразменный миллион. Как Вечный жид. Как дорога.

Пройдут года. Колёса устанут и сменятся новыми, а она вновь и вновь будет появляться из кармана командировочного, деликатно напоминая, что мы в этой жизни люди, а не просто пассажиры.

О патриотизме и частной собственности

Дом начинается от печки. А печка у каждого своя. Попытки унифицировать чувство патриотизма с помощью центрального отопления желаемого эффекта к счастью не дают. Ибо рецепт сей годится только для душой ленивых. И ничего дурного в том, что каждая печь дымит по-своему: горьким запахом осины или благоуханием кизяка. У настоящей печи должна быть индивидуальность.

Вспоминается случай, когда пригласил старого знакомого оценить внушительное, с моей точки зрения, творение молодого старательного специалиста. Дядя Толя, тщательно подбирая слова, недолго курил и вынес окончательный приговор: «Каменщик клал, не печник!»

И то правда с его работами не сравнить: одна богата и помпезна, другая – скромна и функциональна. Любая созвучна настроению мастера, чаяниям заказчика.

Печь, как и хозяин, ветшает, оставаясь преданной, словно колченогий пес. Затирка ее шрамов сродни разглаживанию морщин на лице – занятие пустое, даже смехотворное. Уж очень хочется продлить голубушке жизнь, однако без риска потревожить память и душу не обойтись.

Оставим на этом сентиментальности за кадром и перейдем к делу.

День настал.

Выслушав массу противоречивых советов, отбросив сомнения относительно места, из коего произрастают руки мои, настроил радиоприемник на нечто фундаментальное и закурил.

Курил долго – с месяц, полтора. Коробки с плиткой, мешки с клеем, различные приспособления мозолили глаза, но убрать не решался – лень. Тем паче, что мелкий шпатель превосходно выуживал из банки варенье и нарезал порционные ломтики сыра. Близился отопительный сезон.

Помощи ждать не приходилось, и я взялся за дело. Выручала природная ненависть к инструкциям да смекалка, застигнутого врасплох женатика. В противном процесс реконструкции мог затянуться в лучшем случае до китайской пасхи, в худшем – до дележа наследства моими терпеливыми родственниками.

Раствор не жалел – клал по принципу «большому куску рот радуется». Изразцы лепил «на глаз», наваливаясь сохранившимися килограммами некогда среднего веса и способностей. На промежуточный результат старался не глядеть, памятуя, что полработы дураку не показывают.

Питался один раз в день – перед сном – тем же что готовил собачке, от чего мой измученный городскими изыс-

ками желудок только выиграл. Во сне прикидывал количество оставшихся рядов и лишь однажды зрел женщину: она, простоволосая, свесив запыленные ноги, сидела обнаженная на печи (до ремонта на этом месте сиял натертыми боками самовар). Я пробовал было ее согнать, но гостья ухватилась рукой за трубу, а вторую протянула ко мне: «Угощайся, милоч, не жалко». Не скажу, что меня легко смутить дамскими прелестями, отнюдь. И в этот раз краска не залила лицо, колени не задрожали, язык не прилип к небу. Напротив, я внутренне собрался, подпрыгнул и уселся рядом. И хотя ночи стояли прохладные, на печи было тепло и уютно. Мы лузгали предложенные незнакомкой семечки, обсуждали достоинства различных пород глины и виды на урожай.

Наутро припомнил, как в рамках школьной программы мои нестройные фантазии тянулись к девкам дворовым, а не к жеманным барышням по соседству. Злые языки (в том числе учительницы по литературе) корили крестьянским происхождением и поверхностным знакомством с классиками. С первым я еще мог кое-как согласиться, но второе обвинение шло в разрез с обилием незаконнорожденных в эпоху расцвета российской словесности. Сейчас-то знаю наверняка: на вкус и цвет товарища нет, но всем вместе нравится одно и то же.

К исходу третьей недели кураж начал иссякать. Всерьез задумался об изменении проекта в сторону комбинации различных точек зрения на прекрасное. Крылатая фраза «я так

вижу» прочно обосновалось в моем конформистском сознании, если определение «прочно» вообще уместно при упоминании шаткой жизненной позиции с признаками болезни Альцгеймера. «А что ежели обложить ее только по пояс?»

Мысль показалась интересной. Оставалось определить, где у печки талия. На это ушло два дня. Потом еще столько же, чтобы убедить себя в правильности решения. Потом приснилась женщина.

Она вновь оккупировала место самовара и чему-то загадочно улыбалась.

Поздоровался и примостился рядышком. Мы грызли подсолнухи и роняли под ноги шелуху.

Так повторялось каждую ночь.

Днем я слонялся по участку, растил окладистую бороду, кормил с руки белок. Мой элитный кобель взирал на зверушек с безразличием ничейного Тузика, воровал из столовой хлеб и лаял без всякого повода. Холодало.

Как-то раз обратил внимание, что визитерша погрузнела, голос ее огрубел, а семечки пережарены. В поисках объяснения метаморфозы обратился к классикам. Отцы-основатели были единодушны: «Обабилась».

Хочешь не хочешь, пришлось братья за мастерок.

Я навалился на работу со страстью угодившего в капкан бобра. Плитка ложилась неровно, да еще и с прикусом,

но меня это нисколько не расстраивало. Трудился сутки напролет. Боялся сомкнуть глаза – чуял, мотиватор бродит недалеко и не прочь погреться. Пес побирался в окрестностях.

Когда последние два изразца кое-как встретились на печной трубе, добрался-таки до спальни и с опаской рухнул в одичавшую кровать.

Ночь прошла относительно мирно, если не считать, что кабель во сне то всхлипывал, то выл по покойнику.

Провалившись до полудня и приняв для храбрости на грудь, отправился на кухню поглазеть на результаты проделанного.

Печка отличалась от собратьев яркой индивидуальностью. Послал фотографию знакомому стоматологу. «Жаль, – ответил практичный дантист, – но брекеты здесь не помогут». Среди приятелей – врачей оставались еще двое: нарколог и проктолог. К ним обращаться не стал. Пригласил на смотрины кобеля (еле дозволялся). Надо заметить, что мой боевой товарищ обладал лошадиным здоровьем, тьфу, тьфу, тьфу, невозмутимостью вора в законе и болевым порогом ниже плинтуса.

– Артур! (в миру – Жора) Иди, детка, глянь, не завалилась ли где телячья котлетка?

Опрокинув по дороге двухсотлитровую бочку, кобелина влетел в помещение. И сходу присел на пятую точку. Зная его склонность к театральным жестам, я демонстративно

гремел посудой: «Куда же она запропастилась...»

Три последующих дня мы не разговаривали. Выпал первый снег.

Как приятно долгими зимними вечерами анабиозничать в глубоком кресле напротив истопленной печи в растянутых на коленях трениках, линялой тельняшке и штопанных вязаных носках. Мерцает в лунном свете начищенный самовар с бабой на заварочном чайнике. Собака, высунув от жары язык и подогнув конечности, валяется на полу. Иногда влаивает – гоняет во сне шалого зайца. Косой хитрит – делает скидки, петляет, но все одно вернется к лежке, где-нибудь под разлапистой елью или за снежным отвалом.

Так и мы – сколько ни крутись – осядем в родном гнезде, возле винтажной печи.

02.12.15

Ищущий да обрящет *рассуждения половозрелой устрицы за бокалом белого вина*

Антон Павлович Чехов винил в своих бедах природную лень, Николай Михайлович Карамзин? обобщил и расширил: «дураки и дороги». Я же с годами перестал сетовать на неурядицы, убедившись в том, что бороться с органичным непродуктивно и его – естество – следует принимать, если не как благодать, то хотя бы за данность. Тем паче не стоит навязывать окружающим собственное мнение об отношении червя к рыбалке. Перестаньте, наконец, одергивать гостящую тещу и шипеть вслед уходящему трамваю. Усмехаетесь, мол: «А сам-то? Уже с первых строк попахивает нравоучительством, n'est-ce pas*?» Каюсь, изжил неокончательно. Хотя согласитесь, в них больше от скамеечного брюзжания, нежели пафосный гудок агитпаровоза. И потом, исповедуя принцип «не создавай себе кумира», я поглядываю в зеркало весьма и весьма скептически. Проще говоря, советую оценить мое повествование не иначе как желание поделиться мыслями, ибо предложить нечто существеннее жаба душит.

Как-то раз, выглянув в окно, Мария Петровна, женщина о сорока лет, довольно привлекательной наружности, рас-

правила крылья и упорхнула из семьи. За спиной остались трепыхаться обноски бывшего чувства. Они едва удерживались на ветру прищепками в составе двух малолеток, вполне самостоятельной дочери-студентки да супруга-недомерка с симптомами бонапартизма одноименного торта – то бишь, устоять перед ним практически невозможно, однако после-вкусие столь же восхитительно, сколь и трагично. «Покоя хочу, покоя» – оправдывалась беглянка, высматривая площадку поровнее.

Дамочки в подобном настроении видны издалека и не успели стихнуть каверзные порывы, как основательный домосед угощал Марию Петровну крыжовником под сенью ажурной беседки.

– Мило, – щебетала невеста, – Ах, как это мило.

– Я и деток люблю, – соглашался жених, – У меня своих двое. А ветер не люблю: легкомыслие от него и сквозняки.

Было душно. Мужчина потел. На майке расплывались ленивые пятна: большее, спускаясь от безвольной груди, притормозило в нерешительности перед первой же брюшной складкой и нехотя поползло вширь, навстречу собратьям подмышками. «Они непременно встретятся», – вздрогнула Мария Петровна.

Еще недавно суетливые птахи попрятались и даже стойкие ящерицы забились в тень. Одуревший от жары кузнецик терзал разохшуюся восьмушку**, безбожно путая ноты и не глядя в партитуру. В результате главная тема мета-

лась от умиротворения приморского бульвара до тревоги забытой ставни. Худосочный июньский комар в истерике заламывал руки, отчаявшись одолеть массивный загривок хозяйина дачи.

– Как за каменной стеной, – подумала Мария Петровна и ее вновь передернуло.

Веселился лишь помидор Бычье Сердце. Он рос в оранжерейных условиях по соседству с Черри шпаной и достиг размеров выпученного глазного яблока. «Мууу!» – ревело его мужское тщеславие, – Если подфартит и такая погода простоит, хотя бы с месяц, нальюсь соком и тресну хозяину на рубашку. Хай знает, ботаник, каково в клетке маяться! Мууу...»

Мария Петровна с тоской взглянула на радиоприемник. Пластмассовый чрево вещатель молчал, словно воды в рот набрал. Прикрытый от солнечных лучей вышитой салфеткой утопленник не имел права голоса и прислуживал скорее предметом интерьера, нежели гоголил королем эстрады.

– А Вы? Крестиком умеете? – мужчина обтер раннюю лысину, – Моя мама и носки, и шарфы. До сих пор ношу...

– Умею. Мужа обвязывала, – встрепенулась женщина и вздохнула, – Да вот привязать не сумела...

– Неблагодарный. У меня супруга такая была, – пухлячок снял с крючка барсетку, достал портмоне и показал семейное фото. В центре уверенно красовалась блондинка с йоркширским терьером промеж маникюра, – Я ей и прописку,

и шубу...

Подробности длиннющего перечня подарков и знаков внимания делали честь памяти обиженного.

«Ах, как это скучно», – подумала Мария Петровна и спросила:

– Вы не слышали прогноз погоды?

Уф, не спится. Жена перед отъездом за границу предупредила: «... в полнолуние сажать в огороде нельзя, а натуры впечатлительные и вовсе колобродят». Накидываю рубаху, выхожу на крыльцо. Умный собакин, понимая, что без трусов мне далеко не уйти, остается лежать на коврике, под вентилятором. Курю недолго – заедают кровососы. Возвращаюсь на бесконечную и пустынную, как степь кровать, раскидываю руки и, оперевшись носом в подушку, ударяюсь в воспоминания:

...под Семипалатинском удил бойкую плотву, в окрестностях Ростова-на-Дону – глупого гибрида***, на Браславских озерах поймал двух угрей, в Краснокаменске – триппер. Чему больше радовался, сказать не могу, но одно знаю наверняка: старания даром не пропадают.

*не так ли (франц)

**маленькая скрипка

***помесь карася с сазаном

20.06.16

д. Халтурино

Армагедон

Триптих

Картина первая

Под аккомпанемент «Аве Мария» в костёле гремели автоматные очереди.

– Куда катится человечество? – кряхтел наутро горбатый уборщик, выметая человеческие останки.

Мексиканец был нетороплив и стар, словно идола ацтеков. Между морщин на испечённом солнцем лице не поместился бы и москит. Их причудливый узор напоминал следы взбесившейся газонокосилки. Узловатые пальцы привычно сжимали метлу. В какой момент она сменила мачете, он не помнил – не придавал этому значения: часы нужны суетливым. Христос обходился и ни к кому не опаздывал.

Присыпал кровавые потёки песком. Полуденный зной и ветерок довершат начатое.

Старик оглядел пустынный бар и, потревожив дюжину грузных мух на луже пульке¹, прошаркал на открытую веранду.

– Отчего ты не пишешь про диктаторов?

Седой мужчина перестал грызть карандаш и опустил его в бокал с «Маргаритой». Помешал. Кусочек лайма, сорвавшись вниз, крутился в образовавшейся воронке. Лёд давно

¹ Пульке – пенный и несколько вязкий напиток молочного цвета с неприятным запахом, содержащий от 4 до 8% алкоголя.

растаял, остудив южный темперамент северным хладнокровием.

– Они не стоят чернил и бумаги. Правда, Кончита²?

Хозяйка борделя поскребла кончиком толстой сигары в давно не чёсаной гриве.

– Гореть им в аду, сукиным детям! Извращенцы.

Королевский гриф плавно опустился на соседний столик. По всему выходило, что он был сегодня доволен: в его когтистой лапе матово отсвечивала перстнем с крупным фальшивым бриллиантом успевшая почернеть кисть.

– Тебе неинтересно читать обо мне?

– Я неграмотный, – старик допил *El desierto*³ и разжёт остывшую, побитую временем трубку.

– Счастливец. Грамотность возводит барьер между человеком и Богом.

– Верно. Мои клиенты чувят женщин через стенку. Им путеводители ни к чему, – донна Роза закашлялась скрипучим прокуренным смехом.

Птица шумно втянула воздух с гор.

² Кончита (Conchita) – испанское уменьшительное имя, обычно от Консепсьон (*Concepción* – «зачатие», в честь католического догмата о непорочном зачатии Девы Марии).

³ *El desierto* – напиток, приготавливаемый из текилы, томатного сока, соли и соуса табаско.

– Так пахнет Вечность. И не родились ещё слова, способные передать этот запах. Разве что краски? – обратился седой к грифу.

Стервятник промолчал. Рисунок его иссечённого клюва удивительно напоминал морщины старика.

Объятый пламенем костёл беззвучно прощался с наступившей ночью. Без сожаления, без слов проклятья.

И не родились ещё краски, способные передать палитру чувств на лице распятого.

Картина вторая

Едва стемнело, к заброшенному кладбищу подъехала повозка. В кронах деревьев зашевелились дремавшие вполглаза вороны. Лошадь испуганно всхрапывала и пятилась. Телега раскачивалась и жалобно скрипела. Её деревянные инквизиторские колёса хранили печать четвергований. Возница и трое сопровождающих заметно нервничали. Воровато пригибаясь, снесли неструганный гробик в неприметную на отшибе могилу и поспешно ретировались.

– Куда катится человечество? – кряхтел горбатый уборщик, ссылая в яму чешуйки бесплодной земли.

Невидимое облако пыли оседало на выцветших ресницах, першило в горле, саднило в груди. Погост имел дурную славу. На нём хоронили разбойников, самоубийц и прочих вероотступников.

Выровнял по краям, утоптал плоскими подошвами. Отложив ненужный инструмент, старик, надрываясь и поминутно отплёвываясь, водрузил по центру могилы обломок базальтовый скалы: теперь никуда не денется.

Под покровом ночи к захоронению потянулись люди. Шли молча. По отдельности и небольшими группками, избегая смотреть друг другу в глаза.

К утру перебивали почти все...

Старик отряхнулся и присел за столик.

– Я тебя там не видел.

Седой мужчина постучал изгрызенным карандашом по пустому бокалу.

– А мы с покойницей и не расставались. Правда, Кончита?

Бандерша ловко откусила кончик новой сигары единственным жёлтым зубом.

– Золотая девка! Мертвечину жрать не стала бы.

Бармен принёс напитки – Margarita для писателя, El desierto для старика.

– Жить захочешь, съешь, – уборщик ещё больше сторбился.

– Возможно. Главное, чтобы не вошло в привычку, – седой покосился в сторону королевского грифа.

Птица нахохлилась и сделала вид, что упрёк к ней не относится. Она была голодна: надежда на кладбищенский пир не оправдалась. Стервятник замер на краешке стола и затаился.

Последними к заживо похороненной притащились проститься нерукопожатные родственники: надменность, высокомерие, кичливость, чванство, тщеславие, спесь.

Гордость расправила затёкшие плечи. Камень покачнулся, но устоял.

В этот раз устоял.

Картина третья

Омертвевшая армия маиса гибла стоя: невызревшие початки стыдливо прятали в желтушных стеблях худые мальчишеские лица, покрытые угрями несостоявшейся зрелости. Сухой иногда шевелил руки-плети, и тогда выжженный горюрод накрывала беспробудная тоска. Она просачивалась в закрытые наглухо ставни и души.

Мотыга высекала искры из покрытой струпьями земли.

– Куда катится человечество? – кряхтел горбатый уборщик, сиюсь пересадить чудом сохранившийся за фасадом сгоревшего костёла росток.

– Нет, не будет толку. Засолена утроба. Мертва. Слишком много пролито слёз.

Подходя к столику, мексиканец с хрустом давил босыми ногами тучи мумифицированных мух, так и не нашедших спасение под крышей бара.

– Чему ты улыбаешься?

Седой мужчина перестал вертеть изгрызенный карандаш.

– Рыдать – значит признать поражение. Правда, Кончита?

Хозяйка борделя отложила в сторону вязание, выпустила колечки дыма, глубоко затянулась чудовищно толстой сигарой и растянула в беззубом оскале ярко крашенные потрес-

кавшиися губы.

– Сукин ты сын, амиго!

Писатель поманил королевского грифа. Обессилившая от голода птица с благодарностью приняла кусок чёрствой лепёшки.

– Любовь, и только любовь спасёт мир. Уж мы-то с тобой знаем... Правда, Кончита?

Эпилог

Забраны в пучок пышные волосы, бусинки пота в ложбинке груди, подоткнуты цветастые платья. Сильные женские ноги месят строительную глину.

Взмахи мачете рассекают воздух. Пучки маисовой соломы наполняют коробки из-под текилы.

Строится храм.

Контрольный выстрел в себя Дедектива

Шкура белого медведя, зажигалка S. T. Dupont и жутко наглый котяра – вот и всё, что осталось от прежней красивой жизни. Шкура полысела, в зажигалке кончился газ, и только кот не терял присутствия духа и барских замашек. Он мог часами гипнотизировать скучающую муху, отказывался от неподобающей еды, игнорировал мышинные шорохи и засыпал исключительно под «Радио Классик». Взывать к его совести было столь же тщетно, сколь требовать милостыню у проносящегося по автобану кабриолета.

Большую часть дня котяра проводил в глубоком кресле с резными дубовыми подлокотниками, чудом сохранившимся в период избавления от хозяйских непрофильных активов (вывеску «Вы в ответе за тех, кого приручили» он также отстоял).

П вышел дымить на крыльцо – усатый Нуар не переносил запаха дешёвых сигар. Сегодня, впервые за несколько лет, отчаяние и глубочайшая депрессия уступили место проблескам надежды. Роман дописан, и внутренний голос сказал *да*.

С ним, с этим въедливым цензором, последнее время отношения не складывались. Как ни старался П убедить упрямяца, что «второсортная осетрина», тоже осетри-

на, а рождасть шедевры поточным методом невозможно, единоутробный критик настаивал на своём: не можешь родить, не мучь пиписку. «В какой-то мере он прав, – размышлял известный прозаик, – в погоне за тиражами и белковыми гонорарами я опустил до ширпотреба. Предыдущие работы видятся оскоплёнными, как глянцевые бодибилдеры. Но не эта!»

Он вернулся в кабинет и ласково погладил рукопись. Затем взял в руку и попытался взвесить. Ого! Несмотря на небольшой объём, труд повис гирей.

– Чисто золото. Как думаешь, Нуар?

Кот уставился на хозяина немигающими зелёными огоньками.

– Понял. Надо что-то придумать...

Не прошло и дня после звонка издателю, а кровопийца уже тряс руку, не сняв модное пальто и не переодев обувь.

– Вижу, вижу. Твоя довольная физиономия не так радует, как интригует.

Прошло полчаса. Визитёр сидел молча, пришибленный. Наконец он распаковал сумку, и на столе выстроились давно забытые этикетки.

Прикончили вторую. Издатель расчувствовался.

– Я всегда говорил, что ты гений. Моя самая удачная находка. Этим романом мы взорвём рынок! Снова будешь устрицы хавать и девок щупать. Машину...

– Мне бы с долгами рассчитаться. Жену с работы забрать, чай не девочка по клиентам бегать. Да и...

– Стоп, стоп! Разбежался, – глаза гостя мгновенно вернули привычный холодный блеск. – Не забывайся! Все права на твои, хе-хе, шедевры у меня. Сколько захочу, столько и дам, – он похлопал скисшего творца по плечу. – Ну-ну, не обижу.

Декабрьский месяц зловещим серпом покачивался в окне прокуренной напрочь дачи. Издатель храпел на хозяйской кровати. П мрачнел за столом – сон не шёл.

Подкрался Нуар и, потёршись о ногу, вытащил на крыльцо.

– Вы бы знали, милочка, как я вам сочувствую. Ещё не старей. Да и смерть такая страшная, – клиентка фальшиво всплакнула. – Он что, забыл печку закрыть? Или газ выключить? Кошмар.

Заметка об ужасной кончине популярного прозаика ненадолго привлекла внимание околокультурной общественности. Десятка полтора звонков, несколько писем, унижительная материальная помощь от Союза писателей – вот, собственно, и всё, чем пришлось довольствоваться безутешной вдове.

Минул год.

Роман вышел в свет и понаделал много шума. Немало этому способствовали и обстоятельства безвременного ухода автора. Трагедия, как водится, лучшая реклама. Вмиг разбогатевший издатель растворился где-то в недрах матушки-Европы.

Шустрый курьер DHL вручил увесистый конверт: Распишитесь.

«Любезная такая-то такая-то! Убедительно прошу Вас прибыть по указанному адресу в пятницу, к пяти часам по полудню. Билет и чек на расходы прилагается. Ваш искренний друг».

Вдова недолго думая («сто лет не была за границей») собралась и...

Широко улыбающийся издатель встречал в дверях с огромным букетом её любимых цветов. Жестом проводил в роскошную гостиную. Усадил в кресло и принёс её любимый коктейль.

– Спасибо, конечно. Но давайте не будем торопиться. Все-го год как нет П, и я никак не могу его забыть.

Улыбка хозяина особняка стала ещё шире.

– Вот за это тебя и обожаю!

Услышав голос мужа, гостья едва не потеряла сознание.

– Но...

– Тише, тише, дорогая. Я сейчас всё объясню.

Выборы

Из жизни грибов, или Десять лет без права переписки

Попробуйте затаиться в складках вечернего заката где-нибудь недалеко от лесной поляны. Вы обязательно услышите разговор её обитателей и, если повезёт, сумеете их разглядеть.

Вот собрались для неспешной беседы летние грибы. Яркий, похожий на Санта Клауса мухомор пришёл со всем своим семейством. Их появление наполнило воздух запахом рождественской ёлки и призраками новогодних подарков. Бесцветная поганка стыдливо расположилась в тени разлапистой ели. Она была бледна и стройна, словно утомлённая балерина. Важный белый гриб с фигурой гаишника занял место подобающее его социальному статусу – в самом центре. Разномастные сыроежки оккупировали галёрку. То там, то здесь виднелись крепкие, розовощёкие подосиновики. Отдельными группками особились скромные подберёзовики. Многочисленные семейства опят суетливо пытались избавиться от самозванцев. Среди прочих соплеменников выделялись блюдца волнушек, обрамлённые изящными кружевами, и мещанские шляпки многодетных свинушек.

На правах председательствующего боровик густо прокашлялся и открыл импровизированное собрание:

– Собратья! Тема сегодняшней беседы, или, не побоюсь этого слова, диспута, мне кажется весьма интересной, а с учётом мирового финансового кризиса ещё и актуальной. Напомню: «Способы выживания в эпоху глобального недоедания». Для вас не секрет, что кулинарный пресс на наши популяции растёт день ото дня и уже в ближайшее время может стать причиной полного исчезновения понятия «съедобный гриб». Надежды на попадание в Красную книгу не оправдались. Она до отказа забита шустрыми представителями флоры и фауны, которые вовремя подсуетились и обеспечили себе различные формы финансирования для решения сугубо эгоистичных демографических проблем. Посему срочно предлагаю сплотить наши жидеющие ряды и для начала самоорганизоваться.

– А нам не нравится определение «жидеющие»! Это у вас дочь замужем за брюнетом-трюфелем, а у нас все местные! – выкрикнул кто-то, прячась за соседские спины.

– Хорошо, хорошо. Редеющие... – ушёл от каверзного выпада председатель. – Необходимо выбрать старшего. Думаю, все согласятся, что моя кандидатура подходит более всего. И по фигуре, и по статусу...

– Пусть биографию расскажет, – всё тот же голос.

– Ну что ж. Я, как и все вы, из местных. Мои предки украшали столы не одного поколения...

– Но на отдельной тарелке. Красной строкой в меню, – знакомый голос.

– Было дело. Каюсь. Осознал, таксаять, классовую близорукость. Ноне я, как и все мы, в одном го... то бишь котле варюсь.

– История всех рассудит, – кто-то.

– История засудит тех, о ком вспомнит... – мрачный чёрный груздь.

– Пушай его! Любо! – загомонили избиратели, и только голос промолчал, не поверив в искренность перерождения.

– А теперь давайте выберём моих заместителей, для представительности и возможной презентабельности, – ухмыльнулся в душе председатель.

– Подосиновика хочим, – закричали старые грибницы.

– Обоснуйте.

– У него цвет подходящий.

– Не могу не согласиться, – и красноголовик занял место в президиуме.

– Я предлагаю себя, – заявил подберёзовик. – У меня и маскировка, и имя патриотичные!

– Зато соплеменники сплошь и рядом с гнильцой попадают! – не унимался голос.

– А кто без червей?! Пусть выйдет!

Все притихли. Лишь красавец мухомор сделал робкий шаг вперёд.

– Несъедобные в выборах не участвуют. Можно в прени-

ях, и то согласно регламенту.

Торжествующий подберёзовик присоединился к президиуму.

– А мы что рыжие? И нам туда же! – прогнусавила группа чумазных грибков, явно уголовного типа.

– Вам нельзя. Во-первых, вы условно съедобные. Да и имён-то у вас нормальных нет. Одни погоняловы: козлята, маслята, – нерешительно отреагировал президиум.

– Не пустим криминал во власть! – поддержали с опаской избиратели.

– Это мы ещё поглядим... – на время успокоилась ОПГ.

– Ну ежели других предложений нет, переходим к прению. Только кратко и по существу. Слово имеет представитель от оппозиции, г-н Мухомор.

– Я по поводу нашей несъедобности не согласен. Зачастую, и это доказанный факт, нас употребляют для ухода от реалий беспросветного бытия...

– Навсегда, – вставил голос.

– Это когда передоз, – поправил Мухомор. – В науке подобное явление называется галлюциногенный синдром. Некоторые, особо продвинутые пользователи, готовят на базе наших спор элитный напиток типа абсент...

– Самогон иностранный гонят, – заволновались волнушки.

– Тлетворное влияние дальнего леса! Долой шампиньоны! Сами вечно в дерьме и нас туда же загнать пытаются! – воз-

мущённые выкрики с мест.

– А из бледной поганки бульоны для любимых тещ варят... – упорствовал оппозиционер.

– Долой! Лишить его слова! Засланный он! Засранцами засланный!

Страсти накалились. В воздухе запахло судом Линча. «Условные» под шумок стали присматриваться к чужим грибницам.

В этот момент на поляне появились люди в погонах (случайно недалеко оказалась воинская часть). Солдатики ловко собрали в сумки от противогазов президиум, а затем и оставшимися не побрезговали. Даже бледная поганка пошла в дело – «для прапора».

На месте остался лежать только старый гнилой подберёзовик. Какой-то салабон схватил было его жадными пальцами, но потом брезгливо обтёр коричневую кашицу об рукав гимнастёрки и отбросил в сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.